

Чотчаева Марина Юрьевна
д-р филол. наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева»
г. Карачаевск, Карачаево-Черкесская Республика

ПРОИЗВЕДЕНИЯ «О КАТОРГЕ И ССЫЛКЕ» КАК ПАМЯТНИК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НЕСВОБОДЕ

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме исследования феномена человеческой свободы в произведениях русской литературы второй половины прошлого века «о каторге и ссылке». Проблема свободы личности, своеобразно трактовавшаяся в русской философии и литературе XIX века, оказалась актуальной и в литературе XX века, приобретя новое звучание в рассмотрении проблемы отчуждения человека, его ответственности перед потомками, обретении новых нравственных ориентиров.

Ключевые слова: *свобода, несвобода, русская литература, философия, лагерная проза.*

XX век оказался для России одним из самых сложных исторических периодов за все годы ее существования. Три революции, две Мировые войны, две смены политического строя оставили глубочайший след в общественной жизни Российского государства, внося порой коренные изменения в устоявшееся восприятие действительности. Это не могло не сказаться на общей культурной ситуации в стране, и, в большей части, на литературе, которая в итоге предстала перед читателем многополярной, очень разной, более ориентирующейся на современность, нежели на предыдущие традиции. Смещение акцентов в вопросах нравственности, потеряянность человека в постоянно меняющихся обстоятельствах, зыбкость существования, отсутствие подлинной свободы – вот что сопровождало людей на протяжении всего XX века и стало предметом изображения в литературных произведениях.

Исследование феномена человеческой свободы в этот период осуществляется так же, как и ранее философами, психологами и писателями и характеризуется некоторыми важными особенностями, одной из которых является проблема субъекта свободы. Намечается явная тенденция переноса центра тяжести на личность, в то время как культура XVIII-XIX вв. значительно большее внимание уделяла таким деперсонализированным субъектам свободы как народ, класс, нация, масса и т. п. Больше внимания уделяется проблеме структуры свободы и многообразных форм её проявления в обыденной жизни: свобода и любовь, свобода и смысл жизни, свобода и нравственный выбор человека. Ученые и писатели исследуют диалектику личной и социальной свободы, взаимодействие свободы и отчуждения, онтологические аспекты судьбы и свободы воли, анализируют проблему свободы личности в той или иной ситуации, и др.

Развитие представлений о свободе, протекавшее в XX столетии, и накопление положительного знания о ней во многом было связано с конкретизацией социально-философского понимания свободы как потенциальной способности человека к осознанному выбору альтернативы в своих волеизъявлениях и деятельности, не отрицающего природной необходимости и социально – исторической детерминации бытия субъекта.

В прошлом веке значительно возросло внимание к критерию свободы в литературе. Русская гуманистическая и общественно-философская мысль закономерно шла к соединению истории природы и общества, их трансформации в единую, всеохватывающую историю Человека, установив, что понятие свободы по своему содержанию нейтрально, свобода, взятая сама по себе, ни плоха, ни хороша.

Своеобразие русской философии в трактовке темы свободы личности созвучно с художественной культурой, идеями великих русских писателей (Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и др.). Эта линия, продолжившаяся и в XX веке, включает помимо вышеобозначенной, осмысление таких проблем, как отчуждение человека, его ответственность перед потомками, соотношение между научным, социальным и нравственным прогрессом.

История России и сопредельных народов за долгие века их совместного существования была полна драматических конфликтов, основанных на попирании свободы, что всегда находило духовный эквивалент в отечественном литературном творчестве. Как известно, любое литературное произведение в той или иной степени отражает реальную действительность. Прошлый век привнес в историческое развитие России новые черты и приметы, истоки которых необходимо искать в становлении и развитии российского общества.

Общество представляет собой целостную систему исторически сложившихся форм совместной деятельности; высшую ступень развития живых систем, которая проявляется в становлении, функционировании и развитии социальных организаций, групп, институтов, движений. Это отделившаяся от природы часть материального мира, представляющая собой исторически развивающуюся форму жизнедеятельности людей. Обособившись от природного мира, общество стало по существу «второй природой», необходимой для жизнедеятельности и развития человечества средой. Общество – это не только настоящее, но также прошлое и будущее человечества, не только определенное состояние, но и процесс. Именно поэтому понятия «общества» и «история» нередко используются в социальной философии как тождественные [1, с. 149–158].

Если общество представляет собой систему отношений, то субъектом этих отношений является конкретный человек, индивидуальность, личность. С этих позиций становится очевидным соотношение личности и общества как соотношение внутреннего и внешнего. Следует отметить, что в России существовало противоречие между тоталитарным обществом и свободолюбивым народом. «Философ свободы» Н.А. Бердяев как-то писал: «Россия – страна безграничной свободы духа... Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей» [4, с. 233].

Возможно, именно поэтому взаимоотношения личности и общества в условиях российской государственности складывались далеко не однозначно. Хотя Россия и воспринимается многими мыслителями как «цитадель свободы», од-

нако же, на протяжении всей ее истории для российского общества было характерно тоталитарное государственно-политическое устройство. От древнерусских князей вплоть до конца XX века государственность в России держалась на отношениях авторитета и на нескольких священных незыблемых идеях – символах. Это парадоксальное сочетание «безграничной свободы духа» и стремление подчиниться авторитету, характерное для русского народа, является величайшей культурно – исторической загадкой России, корни решения которой следует искать, по-видимому, в самой истории нашего государства.

Природа государства как всеобщего органа общества сама по себе является предпосылкой тоталитарных тенденций. Исторические факты свидетельствуют, что в потенции государства всегда присутствует стремление к господству над обществом, которое в благоприятных условиях реализуется, что приводит к вынужденному существованию личности в условиях несвободы.

«Возникшая в стране система ... была такова, что в ней все были винтиками, выполнявшими лишь вполне определенные функции и обязанные следовать лишь вполне определенным правилам игры. И человек, который этим неписанным, но хорошо всем известным правилам не следовал, автоматически системой отбраковывался. В системе не должно было быть личностей, она не могла взаимодействовать с личностями, в этом, может быть, и состояла её трагедия. И это касалось всех» [2, с. 36–38]. Это в полной мере нашло отражение в многочисленных и многообразных художественных решениях проблемы человеческой свободы и несвободы в русской литературе XX века.

Когда-то А.И. Герцен, имея в виду произведения Рылеева, Бестужева, Полежаева, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Кольцова, Белинского, назвал историю русской литературы «мартирологом или реестром каторги». XX век оказался более чем достойно представленным в этом реестре: поколеблены или во все разрушены представления о незыблемости вечных истин – свободы, добра, нравственности, гуманности. Этот страшный век, обнажив отвратительные стороны человеческой сущности, показал беспомощность людей перед злом, воплощенным в бесчеловечной Системе, в государственных структурах, основанных

на лишении человека свободы. Хрупким оказался нравственный слой человечности, треснувший под напором тоталитаризма. Отсутствие личной свободы, физические и духовные страдания убивают человеческое в человеке.

Никогда еще литература так ярко, образно, эмоционально не рассматривала проблему человеческого страдания, как в прошлом веке, хотя философское и художественное осмысление страдания имеет давние традиции.

Отечественная философская мысль долгое время обходила проблему страдания. Советский человек, по определению, должен был быть счастливым. Поэтому исследование проблемы страдания длительное время во многом оставалось вне поля зрения советской литературы и философии. Общеизвестен тот факт, как во время разгула сталинского террора, в стране широко демонстрировались кинокомедии Александрова, популяризирующие советский образ жизни и полностью игнорировавшие те страдания, которые в это время переживал народ.

Описание физических и духовных страданий человека в условиях несвободы особенно характерно для произведений «лагерной прозы». В конце 80-х годов в связи с политическими переменами в стране, на широкого читателя обрушился поток запрещенной прежде литературы, в той или иной степени раскрывающий тему страдания человека. Начали публиковаться произведения на лагерную тему, которая до того была представлена лишь повестью А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Первыми за разработку этой темы «взялись» литературно-художественные периодические журналы, которые помещали на своих страницах произведения Н. Мандельштам, Е. Гинзбург, Л. Разгона, А. Жигулина, В. Шаламова, О. Волкова, Ю. Домбровского и др. Эти авторы подробно исследуют новых героев, вынужденных жить в страдании, практически «с сотворенных из страдания». Перед авторами стоит непростая задача – показать внутренний мир человека, все потаенные движения его души, облеченные в оболочку физического и душевного страдания, боли, несвободы. По мысли А. Платонова, миссией художника в этой ситуации было – преодолеть зло в действительности и в себе, куда оно проникло из той же действительности. Зло было

повсюду, оно правило бал, как в лагерях, так и на воле, где люди были охвачены страхом и доносительством.

«Лагерная проза», порожденная напряженным духовным стремлением ее авторов осмыслить итоги катастрофических событий, происходивших в России на протяжении XX столетия, – явление уникальное не только в русской, но и в мировой литературе. Первыми об ужасах лагерей рассказали очевидцы, те люди, чей необычайно емкий духовный потенциал не дал сломаться, позволил выжить. Отсюда и тот нравственно-философский накал, сила противостояния, вера в торжество человеческого духа, которые заключены в книгах бывших узников ГУЛАГа И. Солоневича, Б. Ширяева, О. Волкова, А. Солженицына, В. Шаламова, А. Жигулина, Л. Бородина Л. Разгона, С. Газаряна, Е. Гинзбург и др., чей личный творческий опыт позволил им не только запечатлеть ужас гулаговских застенков, но и затронуть «вечные» проблемы человеческого существования. В.А. Чалмаев в связи с этим указывает на то, что «две разные, но порой странно взаимодействующие стихии – каторга и культура» повлияли на многих писателей. Но влияние это не было одинаковым. «Есть писатели, которые и после каторги все же принадлежат больше литературе, даже беллетристике». К таким Чалмаев относит О.В. Волкова («Погружение во тьму»), В. Шаламова. Ряд писателей (В. Шукшин, В. Астафьев) «...не имея прямо каторжного опыта, но, как и Солженицын, премного обязаны именно антилитературе каторги» [4, с. 211].

Живописуя ужасы каторжной жизни, существования в условиях несвободы, авторы «лагерной прозы» не могли избежать изображения трагического в своих произведениях.

В литературе XX века в силу политических событий трагическое превращается в доминирующую тенденцию творческого мышления, обусловливающего всю структуру художественного произведения. Особенно ярко эта тенденция проявилась в «лагерной прозе». По этому поводу В. Лакшин писал: «Художественные и документальные отражения неволи – аресты, тюрьмы, лагеря предстали неисчерпаемо разнообразными, ... открыли в литературе новый и сильный

пласт трагических впечатлений, оказавшихся в известном смысле богаче тем «воли» [5, с. 277].

Лагерная тема вместила множество талантливых повестей, рассказов, мемуаров, исследований, сценариев, но ни одно литературное произведение не может целиком вобрать в себя все пласти лагерной жизни. То, что успели рассказать очевидцы навсегда останется в истории русской и мировой литературы Памятником стойкости человеческого духа. Художественный образ несвободы творили не только очевидцы, усвоив их опыт, к этой теме позже обратились и те писатели, которые не были в лагерях. Лагерная тема стала темой национального масштаба в русской литературе XX века. С точки зрения художественной ценности «лагерная проза» сложней и глубже мемуарной и документальной литературы, поскольку рождается не из воспоминания, а из живого человеческого страдания, что требует особенного изображения. Бесспорный нравственно-философский потенциал лагерной прозы предопределен страстным желанием осмыслить личный трагический опыт пребывания в ГУЛАГе, связать этот опыт с трагической судьбой России XX в, и сделать все возможное, чтобы подобный опыт остался востребованным лишь на страницах книг.

Список литературы

1. Афиногенов Д.В. Свобода, наука, природа (Об истоках глобального экологического кризиса) / Д.В. Афиногенов // ОНС: Общественные науки и современность. – 2001. – №4. – С. 149–158.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 349 с.
3. Бердяев Н.А. География русской души / Н.А. Бердяев // Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России / Под общ. ред. Д.Н. Замятиной. – М.: Мирос, 1994. – С. 79–82.
4. Чалмаев В.А. Солженицын. Жизнь и творчество: Кн. для учащихся / В.А. Чалмаев. – М.: Просвещение, 1994. – 285 с.
5. Лакшин В. Не уставая вспоминать / В. Лакшин // Шаламовский сборник. – Вологда: ПФ Полиграфист, 1994. – С. 277.